

Елагина Александра

г. Санкт-Петербург, гимназия №52, 11 класс

Рецензия на спектакль «Обыкновенная история», режиссёр Роман Кочержевский, Академический театр имени Ленсовета, Санкт-Петербург

«Обыкновенный Петербург»

Петербург. Именно Петербург. Санкт-Петербург. Петроград.

Петербург – это многовековая история, Дворцовая площадь, дворы-колодцы, Невский проспект, Нева, кареты с лошадьми возле Эрмитажа, дожди и сильный ветер, восстание декабристов на Сенатской, жёлтые дома возле Сенной, набережные, убранные и набережные немного замусоренные, разведённые мосты, огромные дома на Петроградской, ритм большого города вперемешку с медленным шагом по Троицкому мосту, огни Петропавловской крепости в ночи, вечный холод и простуда, пальто а-ля Раскольников, Петербург Гоголя и Достоевского, хрустящие булочки из пекарен Вольчека...

А Питер? Дома-муравейники на окраине города, безвкусные и мёртвые (даже в хрущёвках на Чёрной речке есть душа, в отличие от этого порождения метамодерна в архитектуре!), оплётанный гранит и птичий крик, барные Думская и Рубинштейна, пьяные крики под окнами в два часа ночи, непроходимая грязь на улицах из снежного месива, гопники на линиях Васильевского острова и подозрительные типы в старых жигулях, чрезмерно громкие и жуткие подростки в ТРЦ "Галерея". Полное аннулирование всех дворцовых переворотов и трудов великих писателей, которые этот город чувствовали всякий раз по-разному и у каждого были свои взаимоотношения с ним... Чувствуете разницу? В первом — можно либо стать дворянином, либо сойти с ума, а во втором — прожить (читать как "пропить") ничем не отличную от где-нибудь в Липках пустую жизнь без понимания того, в каком сильном и мощном городе тебе посчастливилось родиться! Главный герой

"Обыкновенной истории" по одноименному роману И.А.Гончарова в театре имени Ленсовета в постановке Романа Кочержевского выбирает первый вариант.

На аръерсцене — просторное пустое пространство с высокими узкими окнами, как в храме, с длинными готическими люстрами и очертанием нижней части роскошных зданий на Невском с вывеской (во втором акте бутик сменится на знак "ремонтные работы" — знак кардинальной переделки внутреннего мира главного героя, его переосмысления, восстановления-реставрации после травмы, нанесённой суровой жизнью и жестоким городом на костях). Повсюду — небольшие участки витиеватых набережных (а вовсе не решётки, как мне показалось при первом просмотре), посередине — массивная бесстрастная серая глыба гранита, которая будет заменять героям все: и кровать, и стол, и скамеечку в парке, и постамент для громких монологов...

В первом действии среди искусственных сооружений мы видим лишь жалкий клочок природы, к концу второго акта пространство сцены будет медленно зарастать колосьями золотой пшеницы, пока они полностью не вытеснят мрачный металл парапетов.

В этом спектакле отдельное место занимает Петербург, практически как отдельное действующее лицо. Высокомерные прохожие, проекции Медного всадника, Исаакиевского собора на задней стенке... Город на Неве неизбежно связан с водой — оттого и "черные воды", и набережные, и постоянные порывы героев утопиться в этом болоте. Город как засасывающее болото, как водоворот людей и ритма, который затащит человека внутрь и навсегда его поглотит. "Зачем я живу? Как отвратительна жизнь!..." — говорит неизвестный в самом начале спектакля, стоя в серебристом снопе света, и стоит на мощёном берегу реки за ограждением, очевидно, намереваясь вот-вот ринуться в эту тёмную бездну. Жизнь на краю, жизнь на грани срыва и медленного спуска под воду. Причём такие лихорадочные порывы будут наблюдаться впоследствии почти у каждого персонажа в особенно мрачный

период жизни – у Наденьки (Диана Милютина) после расставания с Александром (Фёдор Федотов) и "присваивания" себя графу Новинскому (Олег Сенченко), у младшего Адуева – во время переходной стадии от первой несчастной любви до пьянства и отчаяния. Граф Сурков – в первом действии спектакля Новинский, который только чисто внешне поменял имя, а по сути своей остался брошенным Новинским, ищущим взаимной любви у Юлии (Римма Саркисян) и как бы зеркалом получая мечь Александра, оставаясь разбитым, брошенным и одиноким в финале, тоже подвержен порывам секундной слабости и его тоже манит эта чёрная глубокая бездна...

Над бездной, по лезвию.... Петербург здесь – живой организм, не зависящий ни от кого: он населён постоянно куда-то спешащими господами, он дышит, он двигается. В его хаосе и беспорядочности на первый взгляд есть чётко выверенная траектория, его бешеный ритм – заранее отрепетированная мелодия и чистая гармония. Сдержанные, изящные господа, как молекулы, сталкиваясь и двигаясь по своей оси, шествуют рысью по сцене под пульсирующий ритм большого города (даже люстры подчиняются этому ритму и двигаются в такт людям). Образ воды, проходящей лейтмотивом по всему спектаклю, важен не меньше — вода когда-то уже затопила Северную Венецию и непременно сделает это снова; она на самом деле подчиняет себе город и владеет им, поскольку он стоит на ней. Именно поэтому безграничную власть этой воды и её силу мы постоянно видим в спектакле: проекция чёрной поверхности, тихий плеск волн, непреодолимое притяжение персонажей к этим водам. Вода – время, самый страшный враг человека. Люди здесь – напыщенные, светские, постоянно в делах и движении куда-то, все ненастоящие и выдающие себя за кого-то другого, ибо открывать себя в этом месте – самоубийство (они все время наводят полный марафет, следят за застёгнутыми запонками, непременно душатся дорогим парфюмом, подводят губки и меняют сюртуки, самодовольно любуются в собственное отражение).

Свет, особенно на первых рядах заметно! — пронзительно белый, резкий, холодный до мурашек (хотя зал Ленсовета отлично справляется с охлаждением и без освещения...), обнажающий все и выставляющий напоказ, не оставляющий ни шанса на приватность. Петербург обезличивает, и существует два варианта: либо ты покоряешься ему, живя по принятым нормам и правилам, либо сходишь с ума. Как бы Адуев-младший ни старался, его стихи на следующий же день после доверительного показа дядюшке оказываются на устах в каждом ресторане, произносящимися по кругу то ли в восхищении, то ли в насмешке... Личное становится общественным, хотя Александр ещё в самом начале надёжно очертил себя кругом мелом, ограждая себя от общества и заявляя свою позицию - "я не такой", как бы надеясь, что это поможет ему не поддаться влиянию этого города и толпы, что, замкнув себя, он сможет остаться собой. Спойлер - не помогло. Он же приехал сюда "жить", "пользоваться жизнью", но по итогу это жизнь воспользовалась им, Петербург съел его, как круассан. Единственное живое, что есть в этом античеловечном сером городе — это свежесдобитый круассан, аппетитно хрустящий и сразу отдающий приятным воспоминанием во вкусовые рецепторы...

Адуев-младший Федотова — романтик с ясными, горящими от предвкушения "жизни" глазами, дышащий полной грудью и никогда, казалось бы, не поддающийся на провокации дядюшки и его уверения в бесполезности этой затеи — приезд в Петербург. Он хочет жить, влюбляться, гулять, наслаждаться и написать свою неповторимую историю жизни с заткнутым за ухо пером — это рьяное желание держится ровно до разрыва с первой любовью. Его детская убежденность в своей привязанности и любви к оставленной в деревне Сонечке вызывает у дяди злую усмешку, а у зрителя - умиление. Александр постоянно на подъёме сил, не скрывает свою настоящую натуру даже среди таких напыщенных лиц, как петербуржцы, и, возможно, его убеждения звучат смешно и незрело, но вызывает он только сочувствие и веру в его возможности.

И ещё - однообразность, "со времён Адама и Евы одно и то же...". Казалось бы, Адуев-младший, начинающий поэт, воодушевлённый и вдохновлённый жизнью в большом городе мальчик, в результате превратится в бесстрастного русского барина с усиками, очками и пустым взглядом. И трагизм тут не только в том, что Александр растерял всю свою веру, любовь и надежду, но и в том, что, оказывается, он не первый и не последний такой молодой человек. Он-то думал, что только он может так любить, что его стихи будут новаторством, что только ему так больно и отчаянно на душе, что только к нему так несправедлива судьба, а оказывается, и у дядюшки такое было, и Новинский разочаровался в жизни (хотя, казалось бы, зловеще и могуче стоит над сценой в красном свете, владея миром...).

Сцена в театре (первое знакомство Юлии Тафаевой и Александра Адуева) – явная пародия на современного зрителя. Опаздывающие, извинения шёпотом, отдавленные ноги, шуршание фантиков, неприлично громкий хохот, разговоры... Друг Адуева, Евсей (Александр Крымов), ярый сторонник деревенской жизни и ненавистник местных продуктов, так и остаётся развязным невежей внутри, однако, приобретая качества петербургского денди, он становится фанатиком карточных игр... Метаморфозы и изменения здесь происходят не только с главным персонажами, но и с второстепенными героями: граф Новинский, Адуев-старший (Александр Новиков), даже Елизавета (Лидия Шевченко)... Но даже в этих изменениях нет индивидуальности, все это уже давно обыкновенное дело и раз за разом повторяющаяся с человеком история: жизнь, травмирующее событие, рефлексия, переходное состояние, пересмотр своих убеждений, депрессия, принятие и изменения... у кого-то — неудавшаяся любовь, у кого-то — разочарование в людях, у кого-то — прогибание под общество...

Сцена окончательного разрыва Адуева-младшего и Наденьки — одна из самых примечательных и ярких, на мой взгляд. Старшие делают ставки на младших и те, подобно гоночным лошадям, готовятся к скачкам. Александр —

бешеный, неукротимый, жаждущий борьбы и победы жеребец, нервно взрывающий землю копытами и брыкаясь во все стороны. Евсей сдерживает его с трудом, усмиряет кнутом, уздой и кожаной упряжкой на груди, но яростное фыркание Александра и безумные глаза невозможно вывести силой из нездорового скакуна. Наденька же – молодая изящная кобылица, своенравно виляющая хвостом и наматывая круги вместе со своим наездником и укротителем – графом Новинским. Он уже полностью завладел, как и душой, так и телом невесты, хозяйничая и распоряжаясь ею как ему угодно. Именно он, а не Александр, присмирил её. Новинский готовит свою кобылицу к гонкам, властно понукая её хлыстом, а Наденька лишь бездумно покоряется ему, признавая себя его рабыней. Наглядная иллюстрация того, что позже скажет старший Адуев: "Мужчина должен обратить девушку в женщину, овладеть ею". Очень иронично, так как графа Суркова впоследствии тоже сыграет Сенченко: наглядный пример того, как город может измотать человека, сломать ещё одну судьбу. Если раньше он содержал и побеждал, то теперь страдает от чахотки, неизбежно настигающей всех в городе ветров, хромает и оплакивает свою разбитую любовь к Юлии над её бездыханным телом...

Одиночество Александра, страшное и уничтожающее, глухим звоном отдаёт в ушах, пока он мечется в толпе, пока стоит, как каменный обелиск невинности и жертвам обмана, в узком луче света, пока горько пьёт прямо из горлышка бутылки, бросая свои полные боли и ненависти к несправедливости в мире монологи...

Конфликт Адуева старшего и младшего, становящийся одним из основных тем спектакля, безусловно, даёт о себе знать ещё в первых сценах: "Ты и я — большая разница". Как же, проверим! Обычно такое говорят бунтующие подростки, а тут — почтенный дядя-циник... Два Адуева — рефрен друг другу: младший начинает говорить фразами старшего. Поход в парк аттракционов, на самом деле, выглядит как идеал отношений мужчины и женщины. Такой холодный, высокомерный и независимый с виду, даже для

родных людей, Пётр Иванович безукоризненно и с мягкой улыбкой на лице исполняет все прихоти жены, без раздумий отдавая все средства на "хотелки" Елизаветы и даже с удовольствием придаваясь этим игрищам... А у Лизы и племянничка особая любовь, особый её тип, который именуется - "дружба". Она, чем-то заменяя ему мать, гладит его по волосам и убаюкивает, настраивает мужа на разговор с ним, не хочет отпускать его, когда тот собрался окончательно уезжать... Может быть, это и была самая настоящая любовь женщины к мужчине? — но именно в её лице Александр получил то, чего никогда ранее не имел: надёжное верное плечо, которое дороже всяких любовных интриг. А что же Елизавета и Пётр Иванович? Петербург сломал и их, подорвал здоровье обоих, сделал статного и важного Адуева старичком с тросточкой, а жену — потерявшей интерес ко всему, совершенно безвольной и уставшей. Где же беззаветная, молчаливая и оттого самоотверженная любовь?... В последней сцене Елизавета в ультрафиолете ухаживает за цветами, вскапывает бережно землю и механически убирает рукой нависшую на лицо прядку волос. Цветы от природы, знак наконец-то появившейся под конец человечности и истинных качеств, ворвавшийся быт в приподнятую, ирреальную атмосферу спектакля, возвращение будущего, ровно такого же "обыкновенного", предсказуемого поколения?...

Любовь Юлии и Александра — перевёртыш его любви с Наденькой. Всё то, что раньше он делал для неё — вдохновлённо писал стихи, восхищался каждым вздохом, искал встречи, жадно ловил каждый взгляд, превозносил к ангелам и был готов на все, — теперь делают ради него. Только вот, как оказывается, ему это не нужно — он становится похож на Печорина со своим томным вопросом "зачем?" и вечной скукотой... Быть может, он и впрямь, как Григорий Александрович, утратил вкус к жизни и, будучи отвергнутым после выворачивания души наизнанку со своей детской искренностью, потерял всякое довольство в любви... Чрезмерное внимание Юлии, её нездоровое желание держать любовника подле себя постоянно, как собаку на привязи, теперь не льстит и не утоляет потребность в женском чувстве

Александра, а раздражает его. И теперь уже со слезами на глазах и в клочки порванной душой оказывается именно дама, а не сам Александр Адуев.

И вместо открытого финала с риторическими вопросами и заумными размышлениями — моё личное стихотворение в стиле "Адуев-младший против жизни":

Чёрные воды, тёмные стены, пошлые
звуки, низкие ноты — нет ничего такого,
что я б хотел себе присвоить и навеки восхвалять.

Пора независимости пришла от скуки и постоянных метаний того, чего
уже

быть не должно: это не независимость или
свобода, не равенство или братство, а глупость,
неизвестность, бессонница и пустота.

В бездну падать даже с парашютом бесполезно — дна нет и не будет,
удар в

случайный час, давление внутри огромно,
а в округе только тьма — а где ж мой свет?
только горе реально.